

Легенда о св. Юлиане Странноприимце

Автор:

Гюстав Флобер

Легенда о св. Юлиане Странноприимце

Гюстав Флобер

«Отец и мать Юлиана обитали в замке среди лесов, на склоне холма.

Четыре угловые башни заканчивались островерхими крышами, покрытыми свинцовыми черепицами, а цоколь стен опирался на глыбы скал, обрывавшихся до самой глубины рвов...»

Гюстав Флобер

Легенда о св. Юлиане Странноприимце

I

Отец и мать Юлиана обитали в замке среди лесов, на склоне холма.

Четыре угловые башни заканчивались островерхими крышами, покрытыми свинцовыми черепицами, а цоколь стен опирался на глыбы скал, обрывавшихся до самой глубины рвов.

Двор был вымощен обтесанными камнями, как церковный пол. Желоба, изображавшие драконов пастью вниз, извергали дождевую воду в цистерны; а на подоконниках всех этажей в расписных глиняных горшках цвели душистые

васильки и гелиотропы.

Вторая ограда, образуемая частоколом, включала прежде всего плодовый сад, а затем цветник, в котором сочетания цветов чертили вензеля; далее – виноградные шпалеры с прохладными беседками, наконец – особое место, где пажы развлекались игрою в шары. С другой же стороны находились псарня, конюшни, пекарня, винодельня и амбары. Вокруг расстилался зеленый выгон, также замкнутый густой колючей изгородью.

Мир длился так давно, что подъемная решетка ворот уже не опускалась, рвы были полны водой, ласточки вили гнезда в трещинах бойниц; и лучник, который весь день ходил по крепостному валу, едва солнце начинало припекать, возвращался на сторожевую вышку и засыпал сном праведника.

Внутри повсюду блестели железные оковки, тканые ковры по стенам защищали от холода, шкафы были переполнены полотном, в подвалах громоздились бочки вина, дубовые рундуки ломились под тяжестью мешков серебра.

В оружейной палате между знаменами и мордами диких зверей висело оружие всех времен и народов, начиная с пращей амалекитян и копий гарамантов и кончая короткими мечами сарацин и кольчугами норманнов.

На главном вертеле кухни можно было зажарить целого быка; часовня не уступала пышностью королевской молельне. В отдаленном конце двора была даже римская баня, но добрый сеньор не пользовался ею, не желая следовать языческим обычаям.

Всегда закутанный в лисьи меха, он обходил свои владения, творил суд над вассалами, разрешал споры соседей. Зимой глядел он на хлопья падающего снега или заставлял читать себе разные повести. С первыми весенними днями он выезжал на своем муле по малым тропинкам вдоль зеленеющих нив, беседовал с вилланами, давал им советы. После многих приключений он взял себе в жены девицу знатного рода.

Она была очень бела телом, степенна и немного высокомерна. Рога ее головного убора касались притолоки, шлейф суконного платья влачил на три шага позади нее. Домашний распорядок был установлен строгий, как в монастыре; каждое утро она распределяла работы между служанками, присматривала за

вареньями и благовонными мазями, сама пряла или вышивала на престольные пелены. По неотступным ее молитвам бог даровал ей сына.

Тогда настали великие торжества, и трапеза длилась три дня и четыре ночи при свете факелов, под звуки арф; полы были усыпаны зелеными ветвями; подавались самые редкие пряности и куры величиной с ягненка; ради забавы, из пирога выскочил карлик. А так как посуды не хватало, потому что гости все прибывали, приходилось пить из рогов слоновой кости и из шлемов.

Роженица на празднестве не присутствовала. Она спокойно лежала в постели. Раз вечером, проснувшись, она увидела в лунном луче, падавшем через окно, какую-то движущуюся тень. То был старец в грубой монашеской рясе, с четками у пояса и сумой через плечо, по всем признакам – отшельник. Он приблизился к ее изголовью и сказал, не разжимая губ:

– Возрадуйся, о мать! Сын твой будет святым!

Она хотела закричать, но, скользнув по лунному лучу, он тихо поднялся в воздухе и исчез. Застольные песни раздавались все громче. Ей послышались голоса ангелов, и голова ее упала на подушку, над которой, в оправе из карбункулов, висела кость великомученика.

На следующее утро все опрошенные слуги сказали, что никакого отшельника не видели. Наяву это произошло или во сне, но, несомненно, то было откровение свыше; однако она никому ничего не сказала, боясь, что ее обвинят в гордости.

На рассвете гости разошлись, и отец Юлиана, проводив последнего и находясь за потайной дверью вне стен замка, увидел вдруг нищего, представшего перед ним в тумане. Это был цыган с заплетенной косичками бородой, с серебряными запястьями на обеих руках, с горящими зрачками. С вдохновенным видом он бормотал, запинаясь, несвязные слова:

– А-а... Сын твой... Много крови!.. Много славы!.. Во всем счастье! Сродни императору!

И, наклонившись, чтобы поднять милостыню, он изник в траве, сгинул.

Добрый хозяин замка глядел направо, налево и громко звал. Никого! Свистел ветер, расходились утренние туманы.

Он приписал это видение усталости, так как спал слишком мало. «Если я расскажу, надо мною будут смеяться», – подумал он. Тем не менее он был ослеплен блестящей судьбой своего сына, хотя обещания и не были очень ясны, и он сомневался даже, действительно ли все это слышал.

Супруги скрывали свою тайну друг от друга, но оба любили ребенка одинаковой любовью, благоговели перед ним, как пред богом отмеченным, и окружали его бесконечными заботами. Его постелька была набита самым тонким пухом; над нею теплилась неугасимая лампадка в виде голубя. Три кормилицы ходили за ним. Крепко запеленатый, розовый, синеглазый, в парчовой мантии и в чепчике, шитом жемчугом, он походил на младенца Иисуса. Когда у него прорезывались зубы, он ни разу не плакал.

Семи лет мать научила его петь, а отец, чтобы сделать его мужественным, посадил на рослую лошадь. Ребенок улыбался от радости и скоро уже знал все, что касается боевых коней.

Старый, очень ученый монах обучил его священному писанию, арабскому счислению, латинской грамоте и искусству делать малые раскрашенные рисунки на пергаменте. Они работали вдвоем, вдали от шумной суеты, на самом верху башни.

После урока они спускались в сад и, прогуливаясь, изучали цветы.

Иногда в глубине долины появлялся караван вьючных животных с погонщиком в восточной одежде. Хозяин замка, увидев, что это купец, посылал за ним слугу. Чужестранец доверчиво сворачивал с пути; введенный в приемную, выкладывал из своих ларей куски бархата и шелка, золотые и серебряные изделия, благовония, диковинные предметы неизвестного употребления; и под конец уходил с большой прибылью, не потерпев никакого насилия. Иной раз у дверей стучалась толпа паломников. Их мокрая одежда дымилась перед очагом. Насытившись, они рассказывали о своих странствиях: о блужданиях кораблей по вспененному морю, о переходах по раскаленным пескам, о свирепости язычников, о сирийских пещерах, яслях и гробе господнем; потом они дарили молодому господину раковины со своих плащей.

Часто хозяин замка чествовал своих старых товарищей по оружию. За кубком вина они вспоминали о войнах, о штурмах крепостей, об осадных машинах, о необычайных ранах. Юлиан, слушая их, иногда вскрикивал, и тогда отец его не сомневался, что он будет воителем. Но по вечерам, при выходе от вечерни между преклоненных нищих, он с таким достоинством и скромностью подавал милостыню из своего кошель, что мать надеялась в свое время увидеть его архиепископом.

В капелле его место было рядом с родителями; и как бы ни продолжительна была служба, он оставался коленапреклоненным на своей молитвенной скамеечке, со сложенными руками, а шапочка его лежала рядом, на полу.

Однажды во время обедни, подняв голову, он заметил белую мышку, которая вышла из норки в стене. Она просеменила по ступеньке алтаря два-три раза направо и налево и вернулась в ту же скважину. В следующее воскресенье его смутила мысль, что он снова может ее увидеть. Она вернулась. И каждое воскресенье он ожидал ее с раздражением, ненавидел и решил избавиться от нее.

Закрыв дверь и накрошив хлебца на ступеньки, он встал против норки с палочкой в руке.

После долгого ожидания показалась розовая мордочка, а потом и вся мышка. Он ударил ее совсем легко и оцепенел при виде маленького недвижимого тельца. Капля крови запятнала камень. Он быстро стер ее рукавом, выбросил мышь и никому об этом не сказал.

Разные птички клевали зерна в саду. Он придумал класть горошины в трубку тростника. Услышав щебет на дереве, он подкрадывался, подымал тростинку, надувал щеки – и пичужки сыпались ему на плечи в таком изобилии, что он не мог удержаться от смеха, счастливый своей злой выдумкой.

Однажды утром, возвращаясь домой по куртине, он увидел на гребне стены большого голубя, который красовался на солнце. Юлиан остановился посмотреть на него. Стена в этом месте была пробита, и осколок камня подвернулся ему под руку. Он размахнулся – и камень полетел в птицу, которая покатила чурбанчиком в крепостной ров.

Проворнее молодого пса он кинулся вниз, повсюду шаря и царапаясь о кустарники.

Голубь с перебитым крылом трепетал, запутавшись в ветвях бирючины. Это упорство жизни раздражало ребенка. Он начал его душить. От судорог птицы сердце его стало биться и переполнилось диким и бурным упоением. При последнем содрогании голубя он почувствовал, что силы оставляют его...

Вечером за ужином отец объявил, что в его годы пора учиться псовой охоте, и пошел за старой тетрадью записей, где в вопросах и ответах были изложены все тонкости ловитвы. Учитель раскрывал в ней ученику искусство дрессировать собак, вынашивать соколов, расставлять западни; как распознавать оленей по помету, лисиц – по следам, волков – по оскалу; какой лучший способ различать их тропы, высматривать логова и подымать их оттуда; какие ветры самые благоприятные; перечислял охотничьи крики и правила травли.

Когда Юлиан знал наизусть все эти вещи, отец подобрал для него хорошую стаю собак.

Она состояла из двадцати четырех берберийских борзых, более резвых, чем серны, совершенно неуправляемых; семнадцати пар бретонских собак, краснопегих, надежных, горластых, с сильной грудью; сорока грифонов, мохнатых, как медведи, – для охоты за кабанами и опасных забежек. Татарские псы огненного цвета, величиной с осла, с широкими спинами и прямыми ногами, натасканы были на зубров. Черная шерсть испанок отливала, как атлас. Заливчатое тьяканье тальботов не уступало певучему лаю английских гончих. На отдельном дворе рычали, потрясая цепью и вращая зрачками, восемь аланских догов – страшных животных, которые впивались в тело всадников и не боялись даже львов.

Всех собак кормили пшеничным хлебом, лакали они из каменных корыт, и клички у них были звонкие.

Но соколиный двор, пожалуй, превосходил псарню. Добрый сеньор за дорогую цену достал кавказских беркутов, вавилонских сероголовых подорликов, германских ястребов и перелетных соколов, пойманных на береговых утесах холодных морей в дальних странах. Все они помещались под навесом, крытым соломой; а у нашеста, к которому они были привязаны соответственно росту,

перед каждой из птиц было положено по кому дерна, на который их время от времени спускали размяться.

Всевозможные ловушки – и тенета, и силки, и железные капканы – были заготовлены в изобилии.

Легавых собак часто водили в поле, где они тотчас делали стойку. Доезжачие, подкравшись, с осторожностью расстилали огромную сеть над их неподвижными телами, и по приказу псы поднимали лай. Перепела взвивались. Тогда окрестные дамы, приглашенные вместе с мужьями, детьми и служанками, – все кидались на них и легко ловили руками.

В другой раз били в барабан, чтобы поднять зайцев; лисицы падали в ямы, а развернувшаяся пружина хватала волка за ногу.

Но Юлиан презирал эти удобства и хитрости. Он предпочитал охотиться вдали от всех, один на своем коне, с любимым соколом. Это был почти всегда большой скифский кречет, белый, как снег. На его кожаном клубучке развевался султанчик, золотые бубенчики звенели на синеватых лапах. Он крепко держался на руке господина, в то время как конь шел галопом и равнины все развертывались. Юлиан, развязав путы, спускал его неожиданно. Смелая птица взвивалась в небо, как стрела, и можно было рассмотреть две неравные точки, – они кружились, соединялись и исчезали в лазури. Кречет вскоре возвращался, терзая добычу, и, трепеща крыльями, садился на перчатку к хозяину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/gyustav-flober/legenda-o-sv-yuliane-strannopriimce>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)